

© 1997 г.

Л.Б. ЛОГУНОВА

«ПУТЕШЕСТВИЕ В АФИНЫ»...

ЛОГУНОВА Людмила Борисовна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов ИГУ и СИ МГУ им. М.В. Ломоносова

29 апреля 1917 г. в Москве скончался приват-доцент историко-филологического факультета по кафедре философии Московского университета магистр Владимир Францевич Эрн. Ранняя смерть «отменила» защиту докторской диссертации, назначенную на 1 мая, нарушила творческие замыслы и проекты.

Имя В.Ф. Эрна, глубокого, оригинального мыслителя, очень русского философа, несправедливо забыто. И хотя он не создал целостной системы, без его идей наше представление о «серебряном веке» русской культуры, о русском философско-религиозном ренессансе будет не только не полным, но и искаженным. «Понять Россию» - главная задача русского философа, считал В.Ф. Эрн. Но для этого «мы призваны самостоятельно быть, искать русского видения, русских содержаний и русской формы» [1]. Для нас философия Эрна представляет не чисто исторический, узкоспециальный интерес, она обладает неисчерпываемым богатством мыслей, энергичной силой для осмысления и решения наших современных проблем.

В.Ф. Эрн родился в Тифлисе 5 августа 1882 г. Его родители Гавриил Андреевич Арефьев и Ольга Павловна Райская были православными. Рано овдовев, мать выходит вторично замуж за Франца Карловича Эрна, уроженца г. Ревеля, управляющего тифлисским аптечным магазином Кавказского военного округа (полушвед, полунемец, лютеранин, выпускник Дерптского университета). На характер молодого Владимира существенным образом повлияли родители. Дети росли в семье двух вероисповеданий, где лютеранство отца, скептическая ученость его ума, критицизм и «немецкий» рационализм столкнулись с устойчивостью и даже консерватизмом русской патриархальной традиции.

В 1900 г., закончив с золотой медалью гимназию и получив кавказскую стипендию, Владимир Эрн приезжает в Москву и поступает в Московский университет на историко-филологический факультет. С ним приезжает его ближайший друг и одноклассник П. Флоренский, который поступает на математическое отделение. Кроме изучения всеобщей истории Эрн вполне профессионально занимается философией, историей религии. Блестяще сдав государственные экзамены, Эрн по ходатайству заслуженного профессора В.И. Герье в 1904 г. был оставлен на кафедре всеобщей истории. Однако его главные интересы все более перемещаются в сферу философии религии. Еще будучи студентом, он слушает лекции известных московских философов Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова, принимает активное участие в работе их семинара. После окончания университета В.Ф. Эрн ненадолго уезжает в Германию и Швейцарию, где знакомится с современными исследованиями в области философии, социологии и истории. В 1906 г. Эрн снова приезжает в Германию, где слушает лекции известного специалиста по истории христианства А. Гарнака, протестантского теолога и историка.

Результатом становится критическая статья о методах и задачах исторического исследования, в которой страстный протест против упрощенного понимания истории был доведен до ясного осознания личной интеллектуальной задачи - выработать собственный подход к процессам новой и новейшей истории: отправной точкой анализа истории должна стать православная религия. На ее основе возможно построение нового, целостного и действенного мировоззрения, новой обобщающей концепции, разработка нового русского самосознания, потребность в котором в России начала века была чрезвычайно велика. В обеих столицах господствовал горячий творческий подъем, царствовала атмосфера зачинающегося культурного возрождения. Сутью русского ренессанса стало возрождение традиции античного и восточно-христианского Логоса в русской философии. Эта тенденция в наибольшей мере характерна для мирозерцания В.Ф. Эрна, которую он называл **логизмом**. Чтобы понять современную Россию, необходимо, как завещал Вл. Соловьев, «совершить путешествие в Афины», перебросить мост через пропасть, разделяющую философию и религию, преодолеть роковую философскую зависимость от Канта, стремиться к единству несовместимого — науки и религии. Именно эта задача и стала смыслом жизни Эрна - мыслителя «с темпераментом борца» (П. Флоренский), органически соединившим академический пафос философской рефлексии и глубину религиозного чувства.

Хотя основной областью профессионального интереса Эрна является проблема познания в ее историческом развитии, для него она неотделима от главных экзистенциальных проблем человечества - свободы и социального обновления. Только в этой перспективе имеет для него смысл гносеологическая проблематика. В решении философских проблем, считал он, проявляются глубинные ценностно-мировоззренческие искания человеческого духа: философ, особенно в России, - не профессия, философ в России - судьба. В выборе проблем, способов их решения, стиле философских рассуждений в его работах до предела раскрыт сложный, антиномичный характер автора. Глубокий аналитический ум сочетается в них с пылкостью и даже страстностью полемики - как устной, так и письменной. Последовательная критика философского догматизма - с субъективизмом, безапелляционностью и крайностью выводов, буквально шокирующих читателей.

Публицистичность и глубокое философское обоснование пропагандируемых социальных проектов, детальная их разработка и схематизм. Живой, горячий, искренний ум и досадная приближенность. Многосторонняя начитанность, ученость и довольно «свободное» отношение к историческим фактам. Искренность тона, оригинальность взглядов, тонкость аргументации, твердые, ясно сложившиеся убеждения и удивительная некоммуникабельность, замкнутость и даже косноязычие в обычном разговоре. Таков В. Эрн.

Эта контрастность характера и привлекала к нему, и отталкивала: у него были преданные друзья, соратники и последовательные, бескомпромиссные противники. Но и те и другие отмечали его бескорыстное служение науке и удивительно светлый ум. Психолог нашел бы в нем много профессионально интересных для себя сюжетов.

Стать оригинальным философом в России после В.С. Соловьева было довольно сложно, но Эрну это удалось. После окончания университета он принимает активное участие в работе Религиозно-философского общества в Москве, сотрудничает с издательством славянофильской ориентации «Путь». События 9-го января 1905 г. потрясли Эрна. Вместе со своим другом В.П. Свенцицким он организует «Христианское братство борьбы». Эта организация представляла собой полуподпольный религиозно-политический орден-партию с явно экстремистскими проектами. Учредители «братства» призывали церковь осудить преступление власти против народа, напоминая ей, что всякая власть ограничена законами Божиими: молчание церкви в такой момент равносильно отречению от Христа. Воззвание со знаком креста было ночью расклеено в людных местах. В листовке объявлялось о создании партии, целью которой является

проведение в жизнь вселенского христианства. Христианство должно стать основой будущих общественных отношений. Общая задача братства - «осуществить вселенскую правду Богочеловечества во всемирно-историческом процессе» [2]. Средства решения этой задачи: борьба с самодержавием, с предательством и пассивностью церкви, утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, переход от индивидуально-правовой к общественно-трудовой собственности. Борьбе с безбожной светской властью придавался наднациональный, вселенский смысл.

В 1906 г. «Христианское братство борьбы» пыталось издавать популярную газету, часто меняя по цензурным соображениям ее название. Издатели газеты предполагали сделать ее органом широкой пропаганды революционных идей. В 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» была опубликована программа «Христианского братства борьбы». Основная идея - христианская общественность, базирующаяся на «коммунистическом» упразднении частной собственности, должна сменить государственное общественное устройство. Русская церковь должна восстановить первоначальный дух православия, его основной принцип - соборность. Любовь, свобода личности, Церковь - изначально присущие русскому народу характерные черты, которые делают именно Россию местом осуществления вселенской истины Богочеловечества. В этот период Эрн разрабатывает теоретические основы христианского социализма, пытаясь соединить православие с революцией. Эти идеи были восприняты как манифест «христиан-радикалов», а его авторы предстали апостолами-мучениками. Эрн много и напряженно работает, выступает с докладами и рефератами, читает лекции на тему «Социализм и христианство» для слушателей открытых им курсов, которые считает прообразом Вольного Богословского Университета. В периодической печати часто появляются его статьи, в которых предельно выражен нравственный пафос его философии: события мировой истории переживаются им как факты личной биографии. Именно в этот период зарождается главная, может быть, еще четко не оформленная идея - человеческая свобода, необходимость и одновременная неосуществимость которой является источником пессимизма в западной философии, актуально возможна лишь в русской церкви. Обоснование этой возможности и является миссией русской интеллигенции. Вселенское значение русской философии, по его мнению, состоит в том, что в ней мысль христианского Востока дает свой ответ на мысль христианского Запада.

Ценностно-мировоззренческая позиция Эрна наиболее четко и определенно выражена в полемике с журналом «Логос». Последний был задуман русскими учениками немецких профессоров СИ. Гессеном, Ф.А. Степуном, Н.Н. Бубновым в Гейдельберге как международный журнал по философии и социологии культуры. Эта идея была поддержана профессором П. Риккертом, на квартире которого во Фрейбурге и состоялось организационное собрание. Первая книжка «Логоса» вышла в Москве в 1910 г. Утверждалось, что русская интеллектуальная традиция еще не создана, русские «любомудры» должны творчески усвоить основы западной духовной культуры, т.е. пройти курс обучения в Германии - средоточии философской культуры. Антиславянофильская ориентация редакции журнала проявилась в понимании ею философии в качестве верховной науки, единой в исторических и национальных разновидностях, а современная немецкая философия представлялась в качестве канона и образца социо-философского мышления вообще. Так была заявлена позиция «неозападничества» в русской философии, против которой с резкой критикой выступили «неославянофилы»: П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков.

Эти утверждения были принципиально неприемлемы и для Эрна, который считал, что мировоззренческие идеи, метафизические установки, ценностные нормы и предпочтения глубоко укоренены в духе народа, поэтому русская «реальная» философия представляет собой основу самобытно-национального развития, опирающегося на русское православие. Программу журнала Эрн оценил как наступление протестантского духа, угрожающее будущему России.

Журнал, начиная с его названия, был подвергнут Эрном радикальной, тотальной критике: даже само название "Логос", с его точки зрения, тем более в России незаконно присвоено журналу. За древнегреческой маской скрывалось вездесущее клеймо "Made in Germany". Истинной целью журнала является, считал Эрн, не возрождение античной традиции Логоса, и даже не претензия на научность, а унижение русской культуры в ее прошлом, настоящем и будущем. Такая позиция вполне отвечает традициям западноевропейского рационализма, в которой каждый философ считает себя завершителем, создателем последней, окончательно истинной философии [3].

Критическая полемика с журналом во многом определила направление и характер рефлексии Эрна над русской и западной историей, специфику его социо-философской концепции.

Слово «Логос» - святыня русской культуры, Россия живёт религией слова, Логоса. И хотя Логос потенциально присущ всем, актуально он проявляется не у всех и не всегда. Актуализация Логоса - результат вдохновения гения. Логос - вершина сознания, не отвлечение, а восхождение по ступеням все большей конкретности, живая стихия, в которой личность раскрывается и углубляется. Внутренний принцип Логоса - качественный. Логос - не субъективно-человеческий, а объективно-божественный принцип, предвечное определение самого Бога, в котором и которым все сотворено.

Разделению мышления и бытия в рационализме противостоит единство мыслящего и постигаемого в Логосе. И следовательно, рационалистическое мертвое соответствие истины бытию заменяется бытием в Логосе, в Истине, достигаемом через благодать, через обожение. Такая динамическая, жизненная теория познания непонятна и невозможна для западного рационализма; такого рода знание - не абстрактная образованность, а подвиг духа, предел напряжения воли, творческая устремленность к Истине. Субъектом познания становятся герои духа, святые, подвижники. Между *ratio* и Логосом - пропасть. "Онтологизм восточного умозрения свое осуществление находит в прагматике христианского подвига, а подвиг есть глубочайшее раскрытие и утверждение всех творческих и существенных сторон личности, этого ядра космической жизни" [4]. Русская интеллигентность пронизана культурой Логоса, именно поэтому настоящий русский философ - личность. И это не недостаток, а ее преимущество. Философия Логоса - не мертвое знание отвлеченных начал, а религиозное служение, подвижничество, жизненный подвиг. Не случайно поэтому рационализм в русской философии разрабатывался третьестепенными философами. Современную ему Россию Эрн рассматривал как арену исторического столкновения Разума и Логоса.

В контексте этого измерения история западной философии предстает как победа мертвого схематизма, абстрактных количественных принципов над жизнью. Разум принципиально не может охватить жизнь. Русская философия не рационалистична, а логистична. Предметом русского логизма (логицизма) является культура, религия Слова. Русская мысль принципиально конкретна, онтологична. Постигание Сущего возможно лишь путем глубокого интуитивного личностного проникновения в него. Именно поэтому русская философия персоналистична. Чтобы понять и оценить русскую мысль, необходимо выйти за словесный текст в невидимый контекст замыслов и возможностей ее творцов. Гоголь, Достоевский, Соловьев могут быть поняты из того, как они жили и что они пережили, а не только из их произведений. Кроме сказанного ими нужно понять и их молчание, и это путь не в их биографию и психологию, а в логику их мысли и поступка.

Русскому логизму присуща коренная, глубинная религиозность. В западной философии религиозны философы, но не принципы их философии, отсюда либо дуализм и двойственность истины, либо несовместимость религии и философии.

Для Эрна невозможно существование научной философии. Свобода, основанная на научном знании, проблематична и призрачна, все рассуждения о свободе в рационализме — пустая игра словами. Вне Логоса свобода не только неосуществима, но и не-

мыслима. Русская философская традиция - не внешне формальная, а глубоко внутренняя, ориентированная на Логос, свободна по существу, осознала свою свободу и не нуждается в освобождении и освободителях.

Против Эрн в защиту «Логоса» выступил С.Л. Франк. В статье «Национализм в философии» он обвинил Эрн в безмерном национальном самомнении, в поверхностном знании и огульном отрицании западной рациональной философии, оценил противопоставление западной рассудочности восточной целостности как славянофильское орудие уничтожения философии Канта, Юма, Беркли, Гегеля. Полемику Эрн С.Л. Франк воспринял как возрождение славянофильской критики западной духовной культуры вообще [5]. В статье «Культурное непонимание», возражая Франку, Эрн еще раз подчеркнул, что значимость русской традиции не в том, что она русская, а в ее особой устремленности к логизму, что в своей критике он противопоставляет не две культуры, не Россию и Запад, а два познавательных принципа. Логос как метафизическое целое в человеческом сознании предстает в трех аспектах: Логос космический, Логос божественный, Логос дискурсивно-логический. Логос космический открывается человеку в натуральных религиях и искусстве. Логос божественный - в христианской религии, Логос дискурсивно-логический - в философии. Содержательно философия связана с Логосом космическим и божественным, так как философия приводит в мысленное единство все данные человеческого опыта. В западном рационализме происходит отрыв дискурсивно-логического от целостного разума. Образовавшаяся пустота заполняется мифами: о Природе и человеческом «Я». Таким образом провозглашается абсолютная и вечная ценность культуры, а не жизни, творящей культуру. Западный рационализм, достигший своего предела в кантианстве, «безжалостно рвет связи между культурой и творящими недрами космической жизни» [6].

Обвинение Эрн в философском национализме было слишком сильным и несправедливым. Эрн, как и Франк, не отрицал достижения европейского рационализма. Но именно Эрн имел мужество не остановиться на его «положительных» чертах, видимых характеристиках, а выявить внутренне скрытые черты - схематизм, забвение жизни.

«Борьба за Логос» - так Эрн назвал свою книгу, и это была не внутрицеховая борьба за гносеологические приоритеты, это была бескомпромиссная схватка за исходные основания русского миропонимания, за метод (путь!) понимания России, преобразования общества, достижения человеческой свободы. По его убеждению, в национализме проблема человеческой свободы и общественного преобразования не только не может быть истинно решена, но и адекватно поставлена. Именно поэтому следует критиковать не те или иные рационалистические системы, а разум как коренной принцип новоевропейского философствования. В рационализме мысль - чистая схема и пассивность, а человек - раб мотивов и слуга условий, в которых живет. С этой позиции призывы к освобождению - ложь, а практическое воплощение идеи революционного преобразования мира - порождает реки крови. И хотя жизнь при социализме и при тирании будет различаться, но не с точки зрения свободы. Механизм рационалистической философии приводит к устранению человека как свободно действующего субъекта. Его место занимает психический механизм, включенный в систему универсальной необходимости. Свобода личности с этой точки зрения принципиально недопустима. Освобожденный от жесточайшей эксплуатации человек остается механизмом. Жизнь станет счастливее, но не свободнее. Рационалистическая идея свободы есть утверждение рабства.

Идея всечеловеческой свободы в ее истинной форме возможна только как идея Церкви. Человек свободен лишь той трансцендентальной свободой, возможность которой исключается рационализмом. Корни подлинной свободы в мире «вещей в себе». Антиномия трансцендентального и эмпирического разума неразрешима и изживается в духовном мистическом опыте личности. Преодоление антиномий возможно только как личностный духовный акт, как личностный поступок, как творчество. Личность - связующее звено мира свободы и мира природы.

Смерть и время - важнейшие ценностно-мировоззренческие ориентации личности. Однако в европейском рационализме время рассматривается как чистая форма, а смерть - как внешний для субъекта предмет мнимонаучных схем. Смерть в таком случае не переживается как факт личного бытия. Но очевидно, что именно смерть превращает в иллюзию все «научные» концепции общественного прогресса, проекты общественного преобразования, поскольку жизнь **каждого** человека есть не что иное, как ожидание исполнения неумолимого смертного приговора. И только в христианстве **религиозно** обоснована величайшая из всех надежд человечества - победа над смертью («Смертью смерть поправ»).

Религиозное переживание смерти и свободы становится для Эрн исходной предпосылкой осмысления всемирно-исторической жизни, культуры. «Культура должна осознать свое средоточие в Церкви, а христианство должно осознать в подлинной культуре периферию Церкви» [7]. Задача мыслителя в таком случае - логистическая разработка метафизических основ культурного **деланья** человека. Логизм воспринимает весь мир в категориях личности, противопоставляя **меоническому** схематизму живой и живящий персонализм. Органицизм и логизм, отвергая механистический детерминизм, утверждает себя как философия свободы.

С этой точки зрения Эрн не только критически отвергает рационалистическую концепцию прогресса (этот ход мысли весьма созвучен современной социологической мысли), но и предлагает оригинальные историософские идеи. Эрн показывает, что предпосылкой теории прогресса во всех ее модификациях является утверждение о бесконечном развитии человечества, которое не только не опирается ни на какой опыт, но и противоречит ему. Идея прогресса отнюдь не является простым обобщением прошлого, она претендует на мировоззренчески значимый проект человеческого будущего. Зародившаяся в христианстве идея прогресса, вульгаризированная и извращенная в рационализме, является продуктом веры, а не результатом позитивного знания. А это значит, что позитивистское понимание прогресса, связанное с накоплением знания и ростом промышленности, не удовлетворяет запросам человеческого Духа, не отвечает на главные мучительные вопросы жизни. Чтобы вникнуть в смысл жизни, восчувствовать реальность абсолютного Добра (Истины, Красоты), нужно «передвинуть» центр своей жизни в Абсолютное: признать Бога Живого. Идея прогресса органически связана с абсолютным, поэтому адекватно она представлена лишь в христианстве, где Абсолют не догматическая предпосылка, а основа целостного мировоззрения.

«Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически будет, а онтологически вечно **есть**, - можно заполнить истинным содержанием христианскую идею прогресса» [8].

Признание Абсолюта центром жизни существенно изменяет представление о социальной истории. Целью человеческой деятельности, протекающей в историческом времени, становится, тем не менее, вечное, безусловное. Но ведь вечность и время - принципиально антиномичны! История в измерении «вечность - время» предстает, таким образом, как прерывный процесс, в момент перерыва которого происходит «встреча» двух миров: эмпирического и ноуменального. **Иррационально** творение мира, появление органического в неорганическом, сознания и самосознания, рождение Иисуса Христа, то есть **человека** в каждом из нас. Чудо - перерыв естественных процессов сверхъестественным - становится, таким образом, составным и необходимым элементом реальности.

Сформулированные Эрном метафизические положения стали способом понимания русской культуры, истории и русской современности. Эрн утверждал, что загадка России не внешняя — политическая или идеологическая - а внутренняя: она коренится в проблеме национального самосознания и самочувствования. Россия - страна величайшего напряжения духовной жизни, а таинство русской жизни творится в безмолвии. Проникнуть в неявленную явь святой Руси можно лишь верой и любовью:

рациональными методами (любопытством) не перейти заветную черту. Русская культура пронизана религиозным онтологизмом, культура Запада (начиная с Возрождения) проникнута духом откровенного разрыва с Сущим, концентрированной формой которого является германство. Вселенская миссия русской культуры заключается в мировом возврате к Отцу, трансцендентному пафосу онтологических святынь и правды. В силу этого столкновение духа России и духа Германии - исторически неизбежно.

Как историческое подтверждение своих гносеологических и историософских идей была воспринята Эрном первая мировая война. Война вскрыла ложность оснований европейской культуры, европейского гуманизма. Война предстала как величайшее духовное боренье всемирно-исторических начал, Рацио и Логоса. В беспримерных битвах рождается новое постижение мира, встают задачи вселенской значительности. Судьба России тесно сплетается с судьбой мира. Россия становится вершительницей судеб Европы. Проблема Европы стала практическим вопросом русской политики, национальной творческой задачей. Война - всемирно-исторический катарсис, результатом которого должно стать освобождение от глубинных принципов германской культуры. Славянофильствует уже не теория, а жизнь [9]. Человечество вступило в славянофильский эон своей истории.

В России происходит долгожданное отделение «Святой Руси» от привнесенного в русскую культуру западного воздействия. «Святая Русь» понимается Эрном как конкретная, мистически реальная святыня умного деланья народа. Война становится разрывом исторического времени, границей двух эпох, прорывом к Сущему, к Бытию. Славянофильская философия предстает адекватной формой понимания славянофильствующего времени, которое требует возрождения утраченной парадигмы целостного знания.

«Путешествие в Афины» - к Платону, к Логосу не было завершено. Но последние слова, опубликованные Эрном: « о к о н ч а н и е с л е д у е т »...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слова И. Ильина. Цит. по *И.Л. Саввис*. Предисловие к публикации // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 125.
2. Христианское братство борьбы. Листовка // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 162.
3. *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос // *Эрн В.Ф.* Соч. М., 1991. С. 99-109.
4. Там же, с. 80.
5. *Франк С.Л.* Национализм в философии // Русская мысль. 1910. № 9.
6. *Эрн В.Ф.* Культурное непонимание // *Эрн В.Ф.* Соч. М., 1991. С. 126.
7. *Эрн В.Ф.* На пути к логизму // *Эрн В.Ф.* Соч. М., 1991. С. 290.
8. *Эрн В.Ф.* Идея катастрофического прогресса // *Эрн В.Ф.* Соч. М., 1991. С. 209.
9. *Эрн В.Ф.* Время славянофильствует // *Эрн В.Ф.* Соч. М., 1991. С. 371-398.